

МОЛОДОЙ ЛЕНИНГРАД

Молодой Ленинград*78

Ленинградское отделение
издательства «Советский
писатель», 1978 г., 368 стр.
Тираж 30 000 экз.
Цена 1 р. 50 коп.

Главный редактор
Петр Капица
Редколлегия: Александр
Воронцов (составитель),
Андрей Минчковский,
Михаил Панин,
Борис Сергуненков,
Леонид Хаустов,
Олег Цакунов
Редактор Т.Д. Зубкова

Оформление: Л.А. Яценко
Художники: А.В. Борисенко,

Н.А. Нефедов, Ж.В. Ефимовский

Стихи: Александр Ковалев, Поль Герман, Павел Першин, Юрий Шестаков,
Николай Байбаков, Сергей Сорокин, Николай Севастьянов, Борис Орлов,
Александр Люлин, Людмила Фадеева, Светлана Вишневская,
Михаил Тулин, Петр Кондратенко, Эдуард Задеенюк, Анатолий Домашев,
Олег Великосельский, Анатолий Иванен, Нина Погодина,
Игорь Безбородов (пародии)

Проза: Олег Стрижак, Наталия Ивасенко, Николай Шумаков,
Анна Сухорукова, Юрий Леушев, Валерий Трипутин, Ирина Борисова,
Михаил Чулаки, Вадим Круговов, Александр Скоков, Ирина Дружинина

Рецензии: Вячеслав Кузнецов, Сергей Макаров, Николай Сотников

Юрий Шестаков

ВЕСНА

Весна на воде и суше.
На улицах – суета.
Плавает в грязных лужах
небесная чистота.

А мы все бежим куда-то
по самой прямой дороге
возвышенно и крылато,
не глядя себе под ноги...

Борис Орлов

ГРУЗЧИКИ

В тесной комнате воздух сперт,
Спотыкаюсь меж грязных груд.
Бригадирский характер крут,
Бригадир материт, как черт.

Он бывалый, знать, человек,
На руках голубая вязь.
Бьют без промаха из-под век
Воронные зрочки, искрясь.

Я родителями одет
И родителями обут,
Но упорно искал ответ:
Чем людей возвышает труд?

«Денег хватит у нас, дружок.
Не спеши...» – говорил отец.
Бригадир, ухмыляясь, жег:
«Все равно убежишь, стервец!»

Но, когда я валился с ног
И от пота насквозь промок,
Он помог донести мешок,
Прошептал: «Отдохни, сынок!»

Анатолий Иванен

***

Грущу – потому и грузчик,
Гружу – потому и грустно.

Умора с тобой у моря,
Трагический мой рассудок.
Нетрудно тебя расстроить,
Труднее взойти на судно.
Но все-таки интересней,
Когда давлю под пятою
Не горло собственной песни,
А слабости горло литое.
Когда эту грусть-обузу,
В которой одно упрямство,
Бросаю с тяжелым грузом
В подпалубное пространство.

Александр Люлин

УТРО ПЕРЕД СНЕГОМ

Дерева в мохнатом инее
серебра и алюминия.
Филигранью хрупкой скручены
их тончайшие конструкции.

Так отчетливы подробности,
все до мелочи подмечено,
что отнять-прибавить нечего
к завершенной этой строгости.

Над землей морозно-каменной
они замерли, помедлив...
Листья словно отчеканены
из каленой красной меди.

Сувенира магазинного
не хочу и не люблю.
Я сломаю ветку в инее
и на свитер приколю.

Михаил Чулаки

ХОРОШО, ЧТО ВСЕ ПРОШЛО (*отрывок из повести*)

Стояла осень, солнечная и холодная. Мы шли через сад к ее дому, я держал ее за руку, ладонь в ладони. Небо было ясным, вымытым недель-

ными дождями, и во мне была такая же ясность: на завтра мы шли вместе в кино, потом еще куда-нибудь; весь город принадлежал нам, и вся жизнь.

Она остановилась, повернулась ко мне, сказала:

– Вот мой дом. До завтра.

Сняла перчатку и протянула руку.

На пальце блестело тоненькое желтое обручальное кольцо.

Когда я увидел ее в первый раз перед институтом, она тоже была в перчатках.

А если бы я увидел кольцо сразу, неужели не последовало бы продолжения?!

Не верится. Но кто знает.

– Ты замужем?

Я выговорил это с трудом. Голос прозвучал хрипло и глухо, я услышал себя словно со стороны.

– Да, а что? Это же не значит, что у меня не может быть друзей, ведь правда? Сейчас не домострой.

Она безмятежно смотрела мне в глаза.

Постепенно я узнал подробности: она вышла замуж за полгода до нашего знакомства, мужу двадцать пять лет, он экономист, подает надежды, должен защититься года через два.

Вышла замуж за полгода до нашего знакомства. Я с тревогой смотрел на ее живот. Но нет, незаметно было никаких признаков беременности.

– Это же не значит, что у меня не может быть друзей, ведь правда?

Она улыбнулась и, не дожидаясь моего ответа, вошла в дом. Вошла в свой дом, где жила с мужем в пятнадцатиметровой комнате, как я узнал потом.

Главное: вошла в свой дом. А я остался на улице. Кандидат в друзья.

Вот тогда я и начал произносить свои мысленные монологи, раньше за мной такого не водилось. Впрочем, я скоро перешел к диалогам, придумывая реплики и за нее.

Я шел один через тот же сад, а в голове выстраивались слова:

«Но ведь это ничего не значит. Ну подумаешь – замужем. Ведь если бы она очень его любила, мы бы не держались за руки. И зачем идти завтра со мной в кино, если любишь мужа? Лучше тогда идти с ним, тем более ребенка у вас нет, вечера свободны. Вот я бы – я бы хотел ходить только с тобой и не стал бы больше ни с кем. Ну а раз ты не так уж его любишь, то ничего страшного, что замужем. Подумаешь – развестись».

Это был первый опыт, до диалогов я еще не дошел, поэтому ее воображаемый ответ остался неизвестным.

И хорошо бы, я произнес свой монолог один раз – ну, высказал, что наболело, хоть бы и про себя. Но я повторял его снова и снова, это даже нельзя назвать повторением, потому что повторение – активное действие; нет, монолог крутился в голове словно сам по себе, помимо воли, будто склеенная кольцом пленка.

«Ну подумаешь – замужем. Ведь если бы очень его любила, мы бы не держались за руки. Ну, а раз ты не так уж его любишь, то ничего страшного, что замужем».

А на другой день мы пошли в кино. Фильм оказался дурацким: детектив, но уж больно третьесортный; он открыл собой целую галерею дурацких фильмов, которые мы посмотрели вдвоем. Почему-то нам везло: мы почти всегда попадали на третьесортные фильмы. Да не почему-то: и потому, что мы всегда шли на первый попавшийся – в ближайшее кино, на ближайший сеанс; и потому, наверное, что на хорошие фильмы она ходила с мужем.

Но какое значение имел фильм?! По крайней мере, для меня. Мы сидели рядом, вот в чем дело, вот в чем счастье! Да почему я говорю «для меня»? А она что ж, смотрела все эти киноопусы ради их художественных достоинств?!

И все-таки один фильм оказался замечательным. Мультипликация. «Бемби». Когда мы вышли, я сказал:

– Это ты – Бемби.

Ей было приятно. Но все же она сказала:

– Придумал. Главное, я уже совсем взрослая. Нет, правда.

Честное слово, она была точно такая же, как только что на экране. Особенно глаза.

Особенно глаза. Да и все. Ты же со стороны не видишь, как бежишь, когда опаздываешь. В точности как Бемби от пантеры.

Странная у меня была роль: влюбленный друг. Только друг.

В конце ноября выпал снег. И вместо кино мы поехали в ЦПКиО.

– На час, не больше, – как она предупредила.

Я катал Бемби на финских санях. В снежный солнечный день невольно чувствуешь себя счастливым. И уж особенно, когда, стоит чуть опустить глаза, видишь перед собой вязаную шапочку Бемби.

Я разогнался по ледяной дорожке, и мы летели вперед по инерции.

Я наклонился и сказал:

– Я тебя очень люблю, Бемби.

Она резко повернулась, почти вскрикнула:

– Ну зачем?! Ну зачем ты? Так было хорошо! Нет, правда, зачем ты?

Инерция погасла, мы остановились.

– Но ведь я правда тебя люблю, Бемби.

Она отвернулась, спросила тихим, бесцветным каким-то голосом:

– Чего же ты хочешь? Ты же знаешь, я замужем, я никогда не скрываю. Думаешь, брошусь к тебе на шею, соберу бельишко и убежим?

– Почему же нет?

– Тебе не приходило в голову, что я люблю мужа? Так было хорошо, а ты все испортил. Поехали сдавать сани.

Мне хотелось сказать:

«Так зачем мы каждый день встречаемся? Зачем приехали сюда? Зачем тебе нравится со мной?»

Но она бы обиделась. А мне не хотелось ее обижать. Мне было жалко ее обижать. Мне было больно, но я не мог в отместку сделать больно ей. (Так я открыл для себя старую истину: любовь – это когда боль любимой для тебя больней собственной боли).

Я молча катил сани. Потом заговорил о чем-то незначительном. Так и говорили до самой Охты.

Перед своим домом она сказала:

– Ну, чего ты киснешь? Я же всегда очень рада тебя видеть. Давай, будто ты сегодня не говорил ничего? Нет, правда.

И я малодушно сказал:– Давай.

Александр Скоков

ДОДОНОВ (отрывок из рассказа)

У Додонова я был всего один раз, к тому же и туда, и обратно – на такси. Но так, визуально, я представлял, где его дом, если срезать наискосок от «Планеты». В «Планете» показывали «Дам и господ». Я взял билет на 15 часов, осмотрелся и углубился в серый массив панельных пятиэтажек с плоскими крышами. Я проскочил через этот правильный, как шахматная доска, райончик, вернулся. Едва ли я вообще нашел бы этот дом, если бы не подвернулся додоновский малый. Он был с оравой таких же мальцов. Узнал я его по шапочке. Синяя лыжная шапочка с белым бубенчиком. В этой самой шапочке однажды он шастал по судну. В радиорубку ко мне тоже заглянул. Додонов на камбузе тогда блины жарил, а он пользовался случаем, шастал по надстройке.– Андрей!– крикнул я. Он оглянулся. Мальцы тоже. Наверное, он не узнал меня. На шпигате у него крутился щенок, неуклюжий, толстый.

– Твой? – спросил я.

Малый смутился, насупился. А один его кореш, посмелее, тот закричал: – Дяденька, это не Андрей, это Герасим. А это Муму. Она укусила за палец барыню.

– И не барыню, – засопел малый, – а Тургенева. Понял? Мне папа так читал.

Он взял щенка на руки. Тот заскулил, дернулся. Тоже ведь что-то хотел этим выразить.

– Отец дома? – спросил я. Он кивнул.

Я взбежал на третий этаж, позвонил. На филенке ножом навечно было вырезано: «проба пера». Тут дверью не ошибешься, сразу видно, что в квартире мальцы.

За дверью какая-то жестянка звякнула, рассыпались гвозди. Открыл Додонов. В прихожей вокруг стремянки разбросан был плотничий инструмент.

– Разруха кругом, – пожаловался он, стаскивая с меня куртку. – Третий день не могу кончить антресоль. Разве это работа – две доски приладил и давай на судно. Вчера на полчаса задержался, видел, какой подняли кипеж? – Он втокнул меня в комнату. – Что, долго автобуса не было?

– И в «Планету» заглянул, и в навигационную камеру...

– Посиди, – бросил он, выбегая. – Сейчас супца тебе плесну. Он не дал мне рта раскрыть. Появилась хлебница, прибор, потом кастрюлька и сковородка. Додонов выскочил в прихожую, собрал инструмент, сложил стремянку, влетел в комнату и заметался с наволочкой из угла в угол, выхватывая какие-то шторы, простыни, рассматривая метки и запихивая все в наволочку.

– Зин! – крикнул он. – Скатерти в прачечную или в химчистку?

Голос из ванной распорядился:

– В стирку. – Там опять заурчала стиральная машину. Додонов стал набивать вторую наволочку.

– Завал, – кудактал он, – полный завал! А что она может одна? Обстирай, накорми, заштопай. Слуга своей семьи. Сегодня взяла отгулы за праздники и вот с утра колбасится. И этим обалдуям надо же уделить какое-то внимание. Самый рост, характер прорезается. А сколько дней в году я дома бываю? То-то. Андрей еще пацан, ладно, распевает: «Первый класс купил колбас». Или прочитал я ему «Муму», он и раскручивает фантазию, на неделю теперь хватит. А вот Валерка вчера отмочил – да! Представляешь, восьмой класс с одной четверкой, а тут только начался учебный год – второй дневник у него. Хватанул единицу по алгебре. Какая алгебра! Вчера возвращаемся из ателье – уже в ателье заказы-

ваем, – говорит: «Пап, я знаю, какие мужчины нравятся девчонкам». – «Какие же?» – «Атлетического сложения, с римским профилем и светлыми глазами». – «Прочитал где-нибудь?» – «Нет, Оля сказала». Глянул я на него сбоку – прямо до ушей краской залился. Ну что ж, и на том спасибо, хоть делится с отцом. Вон у старпома отпрыск – вообще дикарь, близко к душе не подпускает. Купи ему то, достань это – вот и все толковище после рейса.

Додонов выскочил на кухню. Там загремело стекло – бутылки, наверно. – Ну, подкрепился? – Додонов вбежал в комнату и схватил свои узлы. – Порядок. Сейчас по ходу два дела с тобой провернем. А потом уже на рынок. Я в прачечную, а ты сдавай посуду. Проклятье! Куда ни ткнишь, везде бутылки, как будто только и делаем, что пьем. Вот, целый рюкзак. Подымешь?

Я поднял одной рукой.

– Ну-ну, не усердствуй. Руку сорвешь... Зин, – крикнул он. – Мы двинули! А там по обстоятельствам, если штормовое снимут – значит, уйдем...

Мы сбежали вниз. Мальцы колготились возле подъезда. Додонов зорко посмотрел на своего.

– А чего ботинок расшнурован?

– Шнурок порвался.

Додонов хлопнул себя по виску:

– С ума сойти! Прямо горит все на них!

От перекрестка Додонов в прачечную побежал, а я свернул в подворотню. Из подворотни был вход в приемный пункт. Очередь топталась на ступеньках. Небольшая очередь, человек пять. Я занял за молодым мужиком с пацанчиком, а еще ниже оказался дедок в зеленой не по сезону шляпенке. Пацанчик был дошкольник, головастый такой, как додоновский. – «Пап, я могу звонить по телефону», – похвастал он. «Серьезно? – нудновато откликнулся мужик. – Это прогресс».

Дедок тут же обернулся, встретился взглядом со мной, подмигнул. «Ты слушай, слушай» – так я понял его.

«Прогресс?» – не унимался пацанчик. – «Ну. Раньше ведь ты не умел».

– Эй! – крикнул парень из-за прилавка. – Следующий. Дедок поспешно выставил свою тару, в основном из-под «Ессентуков» и «Тальской». Парень быстро работал – дзинь-дзинь, – бутылки сами выстроились в прямоугольник, и растопыренные ловкие пальцы забегали по стеклу.

– Рубль восемьдесят, – сказал парень. Дедок коварно улыбнулся:

– А не семьдесят две? Парень раз-раз прикинул...

– О, – изумился он, – гляди!

– Еще бы, – хихикнул дедок. – Не всю жизнь, надо думать, таскаюсь с бутылками по подвалам. Тридцать лет на самостоятельном балансе! Десять в Промторге и двадцать в морском порту.

Додоновскую тару я сдал всю, кроме одной. Эту одну из-под мадеры я подарил приемщику так. Он обмахнул ее полой халата и выставил себе на полочку. Там у него целая коллекция собралась – хобби, значит, такое у него.

Я выбрался из подвала и сразу увидел Додонова – недалеко от подворотни, с тем самым дедком. И так уж они восклицали, такой восторг был у них на лицах!

– Ага, вот он, мой казначей. – Додонов подтолкнул меня к дедку.

– Пахомыч, – дедок долго-долго не выпускал мою руку из своей, все всматривался в меня и все улыбался. – Эх, кабы мне вечером лечь да утречком встать молодым! Эх, раскрутил бы...

– Тебе куда сейчас? – спросил Додонов Пахомыча. – Нам на рынок.

– Прекрасно! Я тоже с вами. Семечек прикуплю своим кенарям.

– Каким кенарям? – опешил Додонов.

– О, Лень, теперь у меня хозяйство. Кенарей держу. Сдаю в «Природу».

– Партиями? – уточнил Додонов.

– Не, Лень, на полном серьезе. Вот вчера Гришу сдал, в двенадцать рублей оценили. Такой тариф: обучен, поет – не меньше десятки.

– И не моргнет, и не моргнет! – закричал в восторге Додонов. Пахомыч спорить не стал.

– Пойдем, убедишься. Только условие. С тебя полбанки. Можешь сразу покупать.

– А что, пойдем! – воспламенился Додонов. – Только полбанки, чувствую, будет с тебя. – Он повернулся ко мне: – Сереж, зайдем? Пятнадцать минут, тут рядом.

Веселая идея возникла у меня. Могу же я потерять один свой денек, прожив его рядом с Додоновым, чтобы посмотреть хоть раз, чем же в конце концов кончаются эти истории?

– Зайдем, – весело согласился я.